

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

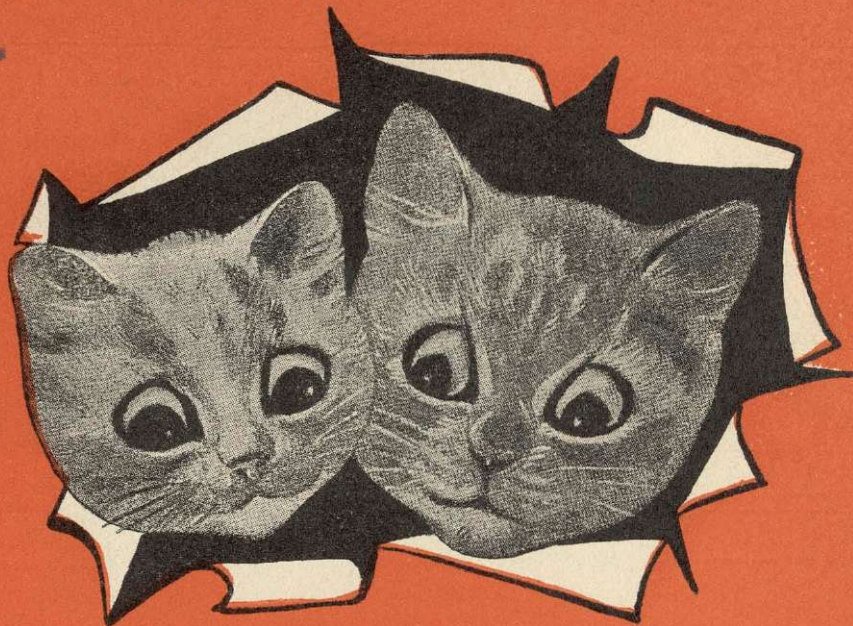
XVII 45
10

Годъ изданія третій

АПРѢЛЬ

№ 12

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ТРУБѢ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ
(историческая повѣсть).

ЧТО ЗА ДИВО!

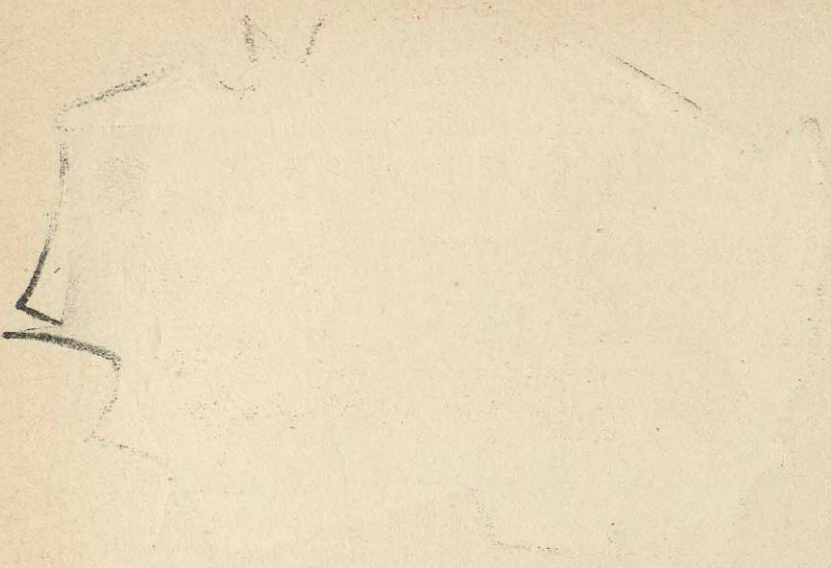
ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИ-
НАНІЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Великорусская усадьба для склеиванія.

1000 RING 2401

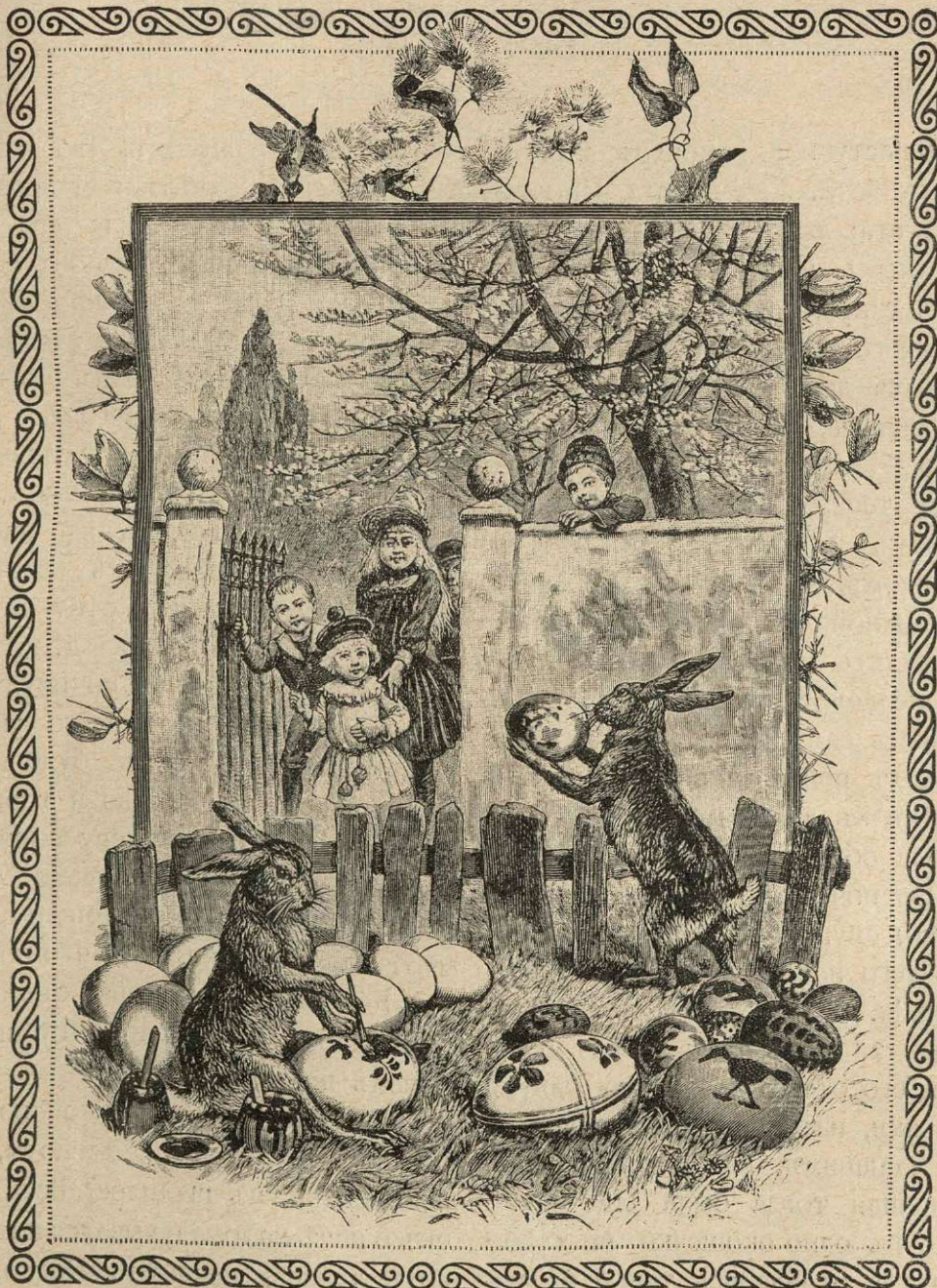

CHINA RAILWAY

1938 (P. 1000)

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Ну, вотъ и Пасха!

Страстная недѣля и Пасха.

ВЪ ТРУБѢ.

Вотъ наступила, наконецъ, и страстная суббота. Уже вечеръ. На улицахъ суета; всѣ магазины и лавки переполнены народомъ. Въ булочной въ старомъ домѣ, на площади, тоже много покупателей. Къ праздникамъ она даже стала незнаваемой: на ея окнахъ, вмѣсто обычныхъ булокъ и блага ситнаго хлѣба, виднѣются теперь куличи, осыпанные миндалемъ и облитые сахаромъ и шоколадомъ, и всякія сласти. Давка въ булочной невозможная. Приходится ждать по часу, чтобы получить желаемое. — Представительный булочникъ, самъ хлопотавшій не меньше своихъ приказчиковъ и пекарей, ликовалъ въ душѣ: предпраздничная торговля обѣщала быть великолѣпной. Но почему-то душу его, какъ нарочно, смущали вдругъ ни съ того ни съ сего нахлынувшія на него воспоминанія.

Ровно 25 лѣтъ тому назадъ перебрался его отецъ съ женою и двумя сыновьями, изъ которыхъ булочникъ былъ младшимъ, изъ деревни сюда.

Булочная тогда была еще всего только въ одно окошечко, но хлѣбы уже тогда отличались такой бѣлиз-

ной и такимъ вкусомъ, что покупатели это сразу замѣтили и повалили къ нему толпами. Дѣла его отца пошли такъ хорошо, что онъ черезъ нѣсколько лѣтъ уже смогъ купить свой собственный домъ, и сталъ уже подумывать о томъ, какъ-бы передать старшему сыну торговлю, а самому отдохнуть. Но тутъ случилась неожиданность. Старшій сынъ, выказывавшій склонность къ рисованію, объявилъ о своемъ намѣреніи стать архитекторомъ, отцу это не понравилось и кончилось дѣло тѣмъ, что сынъ съ отчаянья покинулъ родительскій домъ и куда-то ушелъ. Вскорѣ умеръ и самъ булочникъ-отецъ и все имущество и торговля перешли къ его младшему сыну.

Правда, спустя нѣсколько лѣтъ, до молодого булочника дошли слухи, что его братъ женился, и что потомъ гдѣ-то упалъ на постройкѣ съ лѣсовъ и расшибся, но точного онъ ничего о немъ не зналъ...

Булочникъ провелъ рукой по лбу. Почему, несмотря на хлопоты, ему пришло на умъ прошлое? Весь годъ онъ о немъ мало задумывался и только вотъ теперь, наканунѣ Пасхи, ему

стало вдругъ вспоминаться о томъ, что когда-то произошло, и въ его душѣ вставалъ вопросъ: справедливо ли онъ поступилъ тогда, не помиливъ своего брата съ отцомъ, допустивъ его уйти изъ родной семьи на чужую сторону?

— Здравствуй, папа! вдругъ перебилъ его размышленья звонкій дѣтскій голосъ.

Булочникъ оглянулся и увидѣлъ свою единственную дочь Марусю, только что вернувшуюся съ прогулки. Она была всеобщей любимицей въ домѣ, начиная съ отца и кончая дворовой собакой Полканомъ и котомъ Васькой. Отъ быстрой ходьбы волосы выбились у нея изъ-подъ шапочки, булочникъ хотѣлъ ихъ ей поправить, и мука, какъ пудра, вдругъ посыпалась со складокъ его рукавовъ ей прямо на голову. Она весело разсмѣялась и, припрыгнувъ, обняла его за шею; какъ онъ любить этотъ звонкій смѣхъ, эту милую дѣвочку!

«Вотъ настаетъ праздникъ Пасхи, надо будетъ чѣмъ-нибудь порадовать дѣвочку», — рѣшилъ онъ про себя и тихонько, отстранивъ ее, вышелъ на улицу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Здѣсь онъ увидалъ маленькую черную фигурку. Это былъ трубочистъ. По приказанію своего хозяина, онъ явился на свою грязную, трудную работу, несмотря на канунъ великаго праздника.

— Хозяинъ послалъ меня къ вамъ

трубы чистить, сказалъ онъ булочнику.

Чистка трубъ въ такое время, передъ самой Пасхой, являлась крайне неудобной.

— Чего-же вы глядѣли раньше? спросилъ его булочникъ.

— Заняты были.... отвѣтилъ мальчуганъ.—Некогда было...

Булочникъ подумалъ.

— Ну, ладно, сказалъ онъ наконецъ, иди въ амбаръ, подожди тамъ около пекарни!

Трубочистъ вошелъ во дворъ и сѣлъ въ углу большого холоднаго амбара, сплошь заставленнаго мѣшками съ мукой.

Пасха пришлась въ Мартѣ и потому было еще довольно морозно, даже лежалъ небольшой снѣгъ. Мальчику хотѣлось ѣсть, онъ дрожалъ отъ холода и дулъ себѣ на руки.

— Ахъ, хотъ бы одинъ разокъ отогрѣться, какъ слѣдуетъ!

Онъ оглядѣлся кругомъ; недалеко отъ него была дверь, изъ-за которой доносился вкусный запахъ: тамъ помѣщалась пекарня. Вѣроятно, тамъ теперь такъ тепло! Если бы онъ могъ хотъ на нѣсколько секундъ попасть туда прежде, чѣмъ начнетъ возиться съ сажей! Осторожно заглянулъ онъ въ дверь.

Тамъ не было никого, кромѣ маленькой дочки булочника. Она уже съ утра слонялась безъ дѣла и скучала; всѣ взрослые суетились, работали, на нее-же никто и вниманія не обращалъ. Прійдя съ прогулки и чтобы

хоть немножко скоротать время, она зашла въ пекарню и стала тамъ раскладывать булочки и карамельки по столу, чтобы былъ порядокъ.

Вдругъ на порогѣ показалась черная фигура. Она въ испугѣ отступила назадъ, но вскорѣ-же ея личико просіяло.

Маленькій трубочистъ, глядѣвшій на нее съ такой мольбою, не былъ

— А вотъ и я!

ей совершенно чуждъ, она видѣла его уже не разъ, когда онъ приходилъ къ нимъ чистить трубы, и всякій разъ его грязный видъ возбуждалъ въ ней чувство сожалѣнія къ нему.

Съ жалостью она посмотрѣла на него и сейчасъ. Дрожа отъ стужи, стоялъ онъ у двери. Можетъ быть, онъ и голоденъ, тогда она предложитъ ему поѣсть.

— Не хочешь ли хлѣбца? обратилась она къ нему.

Онъ молча кивнулъ ей головой,

и, взявъ протянутый ему ситничекъ, сунулъ его въ карманъ.

— Войди же, какъ слѣдуетъ, продолжала Маруся. — Закрой только дверь. Вотъ такъ!

Мальчикъ вошелъ въ пекарню.

— Хочешь цвѣточекъ на Пасху? спросила его дѣвочка.

— Цвѣточекъ?

Онъ удивленно взглянулъ на нее, взявъ отъ нея сахарный цвѣточекъ и, полу-обрадовавшись, полу-растерявшись, сунулъ его тоже въ карманъ.

Но Маруся все еще казалась неудовлетворенной.

— На, возьми еще это сдобное печенье! продолжала она.

Онъ взялъ и печенье.

— Какъ тебя зовутъ? — спросила она.

Мальчикъ опустилъ глаза.

— Федей, отвѣтилъ онъ.

— А какъ твоя фамилія?

— Лавровъ.

— Наша фамилія—тоже Лавровы. У тебя есть папа и мама?

— Нѣтъ, я сирота...

Вошелъ пекаръ посмотрѣть на тѣсто. Увидѣвъ Федю, онъ сказалъ.

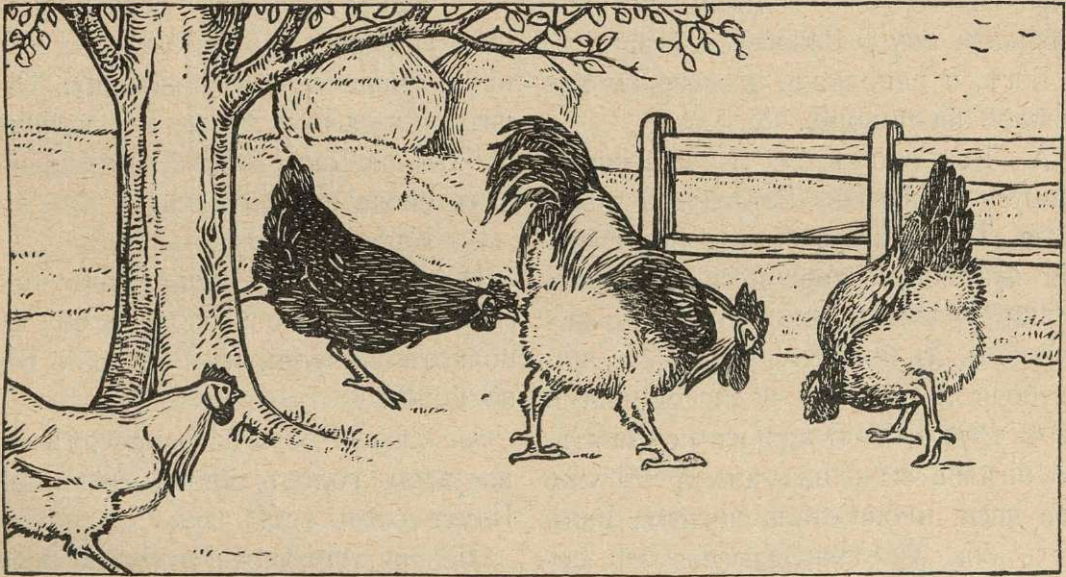
— Что-же ты зря стоишь? Пришелъ чистить, такъ чисть! Некогда тутъ съ тобой!...

Федя спохватился и бросился къ печи. Онъ отодвинулъ въ ней желѣзную заслонку, сбросилъ съ ногъ рванья туфли, и сталъ пролѣзать

съ метлой въ трубу. Онъ вскарабкался въ самую печь, оперся голыми ногами на выступающіе кирпичи, и сталъ подниматься все выше и выше по трубѣ, долѣзь до второго этажа и вдругъ, о, ужасы! застрялъ въ ней неизвѣстно почему: можетъ быть, при починкѣ трубы ее немного сѣзуили, или что-нибудь другое было причиной, но только онъ си-

ливо слышалъ онъ чьи-то разговоры внизу, но никто не побезпокоился о немъ. Прошли мучительные два часа, а онъ все сидѣлъ и сидѣлъ тамъ высоко, въ срединѣ трубы, не могъ пошевелиться въ ней и все повторялъ:

— Господи, спаси меня! Боженька, не дай мнѣ погибнуть... Въдъ завтра Пасха...

Загадочная картинка: Гдѣ лисица?

дѣлъ тамъ съ метлой и не могъ двинуться ни выше, ни ниже, ни взадъ, ни впередъ.

Въ пекарнѣ уже не было никого, Маруся ушла, булочникъ тоже и онъ былъ теперь въ трубѣ совершенно одинъ. Напрасно употреблялъ онъ всѣ свои усилія, холодный потъ выступилъ у него на лбу. Но, можетъ быть, услышитъ его кто-нибудь, если онъ закричитъ о помощи? И онъ закричалъ такъ громко, какъ только могъ. Отчет-

Вотъ онъ различилъ голосъ самого булочника, вновь пришедшаго въ пекарню и приказывавшаго своимъ людямъ еще разъ затопить печь, чтобы поставить въ нее новые хлѣбы; всѣ испеченные раньше уже разошлись. Съ ужасомъ почувствовалъ Федя новую опасность: поднимающійся по трубѣ дымъ несомнѣнно его задушитъ. Еще разъ собрался онъ съ силами и сталъ кричать, но безъ послѣдствій. Смертельный ужасъ охватилъ не-

счастливаго мальчика. Неужели онъ долженъ умереть, здѣсь, въ трубѣ, пропасть, оставленный всѣмъ свѣтомъ? Ну, да онъ и въ жизни былъ оставленъ всѣми, послѣ смерти отца съ матерью; но какой прекрасной теперь показалась ему жизнь! Съ ужасомъ поглядѣлъ онъ въ вышину, гдѣ черезъ отверстіе трубы виднѣлся клочокъ вечерняго неба. Большая звѣзда ярко мерцала надъ его головой, она напоминала ему о Виолеттской звѣздѣ, о Богѣ, и наполняла его сердце надеждой на помощь.

А въ это время и маленькая Маруся тоже не оставалась безъ дѣла. Торопливо собирала она сладкія булочки, сухарики, конфеты и куски кулича и все это стала завязывать въ бумагу. Она думала, что трубочистъ тотчасъ-же и окончитъ свое дѣло и выльзетъ къ ней опять, но онъ не выходилъ изъ трубы уже два часа, и она стала скучать. Разъ пять она уже заглядывала въ пекарню, разъ десять развертывала и вновь завертывала гостинцы для Федя, но онъ все еще не выльзалъ изъ трубы, и она рѣшила, что онъ уже окончилъ свое дѣло и ушелъ къ себѣ домой. Это ее обидѣло, она вошла въ пекарню и стала плакать.

— Что ты тутъ дѣлаешь? вдругъ спросилъ ее отецъ, неожиданно вошедшій тоже въ пекарню и заставшій ее въ слезахъ.

— Я?—Я ничего! растерянно отвѣтила она.

Отецъ замѣтилъ ея смущеніе и повторилъ свой вопросъ.

— Какъ ничего! Ты хочешь это все съѣсть сама?

Она опустила головку и покраснѣла.

— Нѣтъ, папочка, отвѣтила она. Это я хочу отдать бѣдному трубочисту, который уже два часа сидитъ тамъ въ трубѣ и чиститъ въ ней сажу.

Булочникъ встревожился.

— Какъ два часа? воскликнулъ онъ. И вдругъ въ головѣ его мелькнуло ужасное предположеніе. Значитъ, мальчикъ еще не кончилъ работы, а онъ—только что приказалъ снова затопить печь.

— Какой ужасъ!...

И онъ бросился изъ пекарни такъ скоро, насколько позволяла ему его полнота. Морозъ пробѣгалъ у него по кожѣ.

— Сюда! Ко мнѣ! закричалъ онъ во весь голосъ своимъ пекарямъ. Идите сюда всѣ!

Пекаря, торговавшіе въ это время въ булочной вмѣстѣ съ приказчиками, такъ какъ не хватало больше рукъ, толпою бросились къ нему въ пекарню.

— Что такое? Что случилось? спросили они впопыхахъ. Булочникъ указалъ имъ на стоявшіе около печи туфли Федя.

— Онъ тамъ! закричалъ онъ задыхавшимся отъ волненія голосомъ.— Онъ тамъ, въ трубѣ, а я приказалъ сейчасъ опять затопить печь!

— Кто тамъ? спросили его пекаря.

— Мальчишка! Трубочистъ! Онъ полѣзъ туда чистить трубу и должно

быть въ ней застрялъ! Спасайте его! Спасайте его поскорѣе всѣ!

Пекаря сразу поняли теперь, въ чемъ дѣло.

Они схватили громадный ушатъ воды, поднесли его къ печи и со всего размаху вылили изъ него на огонь. И теперь, когда была уже затушена печь, булочникъ подошелъ къ трубѣ и громко во весь голосъ въ нее закричалъ:—

— Ты еще здѣсь?

Всѣ затаили дыханіе и стали слушать.

— Эй, ты! снова закричалъ булочникъ.—Ты еще тамъ, или нѣтъ?

И вдругъ изъ нѣдръ трубы послышался слабенькій дѣтскій голосокъ:

— Я здѣсь...

Булочникъ хватаетъ кочергу и изо всѣхъ силъ ударяетъ ею по печи. Кирпичи одинъ за другимъ вываливаются изъ нея, отверстіе становится все шире и шире, все растетъ и растетъ въ вышину и вотъ наконецъ видны уже пятки Феде. Булочникъ хватается за нихъ, тянетъ ихъ книзу и мальчикъ выползаетъ изъ трубы.

Онъ черенъ и весь въ лохмотьяхъ. Лицо его грязно, но на глазахъ сверкаютъ слезы и губы улыбаются отъ счастья.

— Умойте его! распоряжается булочникъ и, не показывая своей радости, вмѣстѣ съ Марусей выходитъ изъ пекарни.

Одинъ изъ пекарей порылся у себя въ сундучкѣ, досталъ оттуда чистенькую рубашку, штаны и сапоги, ос-

тавшіеся послѣ его недавно умершаго сынка, и, взявъ трубочиста за руку, повелъ его въ баню...

Часъ спустя, Федя уже стоялъ передъ булочникомъ и Марусей. Его теперь нельзя было узнать. Вмѣсто грязнаго трубочиста, съ чернымъ, какъ у араба лицомъ, предъ ними стоялъ красивый мальчикъ съ умными большими глазами и добрымъ выраженіемъ лица.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ его булочникъ.

— Федя Лавровъ, отвѣтилъ мальчикъ бойко.

— Чей ты? Кто былъ твой отецъ?

— Сынъ булочника... Мать рассказывала мнѣ, что онъ когда-то не поладилъ со своимъ отцомъ и ушелъ.

— А гдѣ твоя мать?

— Умерла.

Теперь для булочника было ясно все. Фамилія, возрастъ, родовое сходство мальчика доказали ему, что это былъ его племянникъ.

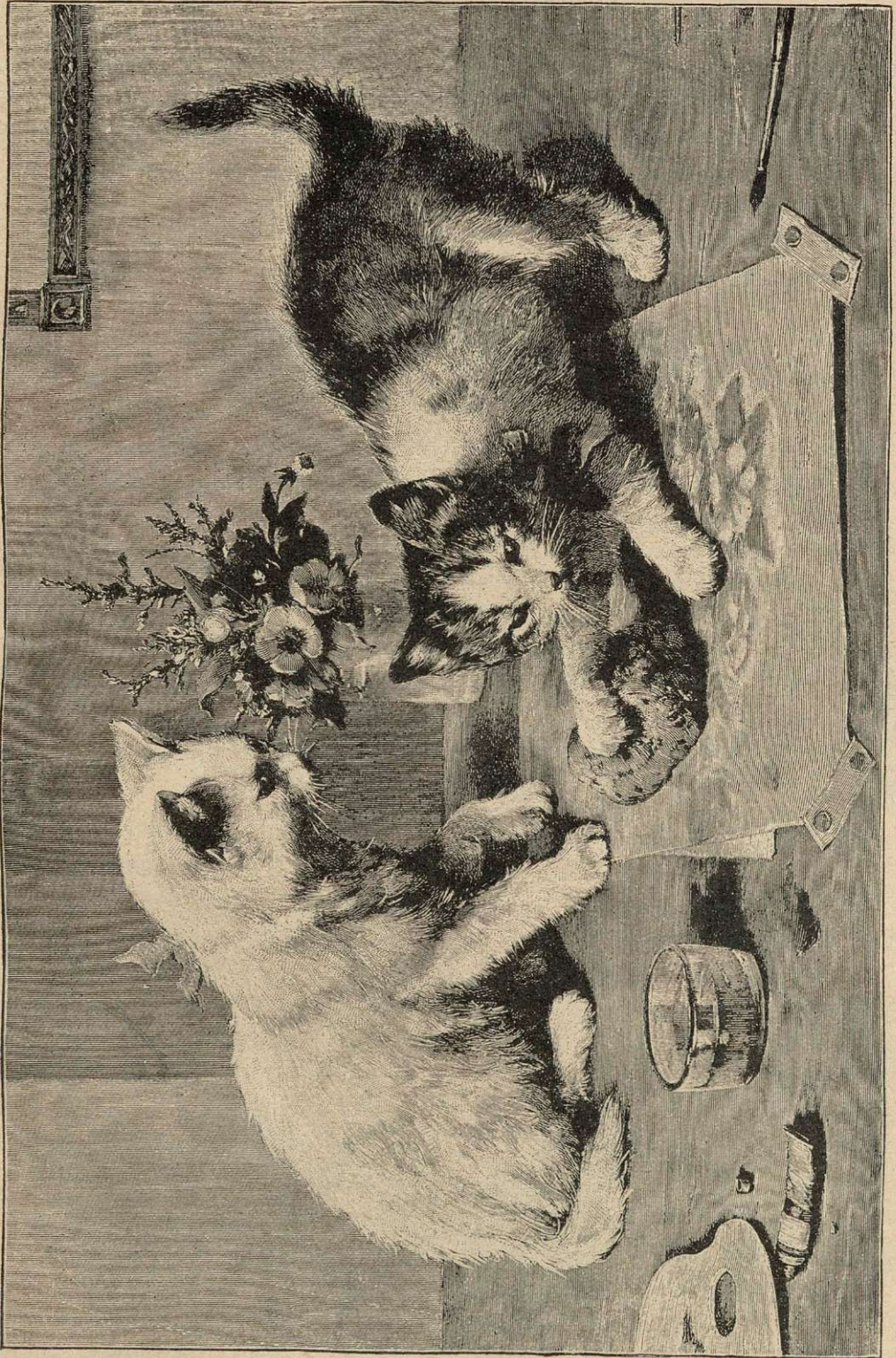
— Маруся, обратился онъ внѣ себя отъ радости, къ своей дочери.— Возьми его за руку, веди его скорѣе въ столовую! Вѣдь это твой двоюродный братъ!

Маруся взвизгнула, подбѣжала къ Федѣ и потащила его за собой.

Въ два часа ночи, возвратившись изъ церкви съ пасхальной заутрени, вся семья разговлялась вмѣстѣ. Федя сидѣлъ за праздничнымъ столомъ между булочникомъ и его женой и на душѣ у него былъ тоже праздникъ.

Прилежная ученица.

Художники.

— Христось воскресъ! обратился къ нему булочникъ.

— Воистину воскресъ! отвѣтилъ Федя и протянулъ къ нему свои губы.

Булочникъ прижалъ его къ себѣ и горячо поцѣловалъ. Слезы радости катились у него изъ глазъ.

— Теперь ты мой, сказалъ онъ, — я никому тебя не отдамъ! Ты тоже сегодня погибалъ и воскресъ!

И мальчикъ остался у булочника навсегда. Маруся торжествовала.

Е. Л.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

— Христось воскресъ! — Воистину воскресе!..
Ужъ снѣгъ сошелъ, оттаяла земля,
Ужъ дымка легкая стоитъ на лѣсѣ
И улыбаются озимыя поля.

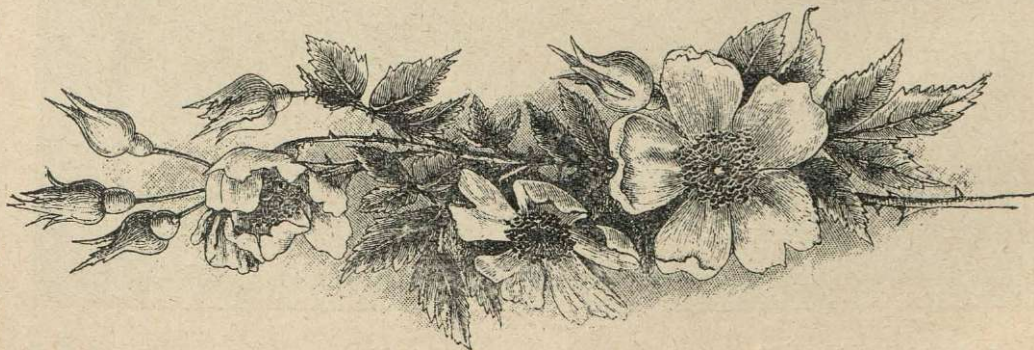

— Христось воскресъ! — Воистину воскресе!
Поютъ скворцы, летятъ къ намъ журавли,
Парникъ открытъ и для посадокъ смѣси
Ужъ дѣлаетъ садовникъ изъ земли.

— Христось воскресъ! — Воистину воскресе!
Ну, вотъ ужъ и весна вернулась къ намъ опять!..
И хочется безъ гордости, безъ спѣси
Съ привѣтомъ руку ближнему подать.

Кузнечикъ.

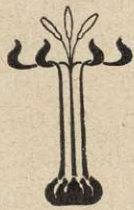
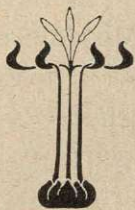
НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Окончаніе).

XVII.

Среди народа былъ и Иуда Бенъ-Хуръ. Онъ не узналъ Амру, но былъ свидѣтелемъ исцѣленія своихъ матери и сестры. Онъ не узналъ и ихъ и пошелъ своей дорогой дальше. Но Амра узнала его и побѣжала за нимъ слѣдомъ.

— Иуда! крикнула она ему.

Онъ обернулся.

— Амра! воскликнулъ онъ.—Что ты тутъ дѣлаешь?

Она не могла отъ радости придти въ себя.

— Погляди на этихъ женщинъ! сказала она наконецъ.

Онъ посмотрѣлъ по указанному направленію. Обѣ женщины поднимались въ это время съ колѣнъ. При видѣ ихъ сердце у него замерло и онъ остолбенѣлъ отъ изумленія. Едва вѣря своимъ глазамъ, онъ положилъ руку Амрѣ на плечо и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Амра, Амра! Моя мать!.. Тирса... Скажи, на яву ли я вижу ихъ?

— Поговори съ ними, господинъ, поговори самъ! отвѣтила она.

Онъ устремился къ нимъ, широко раскрывъ объятія.

— Мама, мама! закричалъ онъ.— Тирса! Я здѣсь!

Онъ услышали его зовъ и съ крикомъ радости бросились къ нему навстрѣчу.

— Иуда, сынъ мой! Наконецъ-то я тебя вижу! воскликнула мать.

— Братъ! взвизгнула Тирса.— Милый Иуда!

Онъ были около него, онъ говорилъ съ ними, слышалъ ихъ отвѣтъ,— кто же или что могло теперь ихъ вторично отнять у него? И въ слѣдующія мгновенья слезы всѣхъ троихъ смѣшались вмѣстѣ и всѣ стали обниматься.

А когда миновала первая минута восторга, то мать сказала:

— Не будемъ неблагодарны въ счастья, дѣти мои; начнемъ нашу новую жизнь съ благодарности Тому, Кому мы этимъ всецѣло обязаны!

И всѣ четверо пали на колѣни и стали молиться Богу. Помолившись и заплакавшись досыта, они поднялись съ колѣнъ и побрели въ Иерусалимъ. У городскихъ воротъ они должны были расстаться. Женщины должны были отправиться къ перво-

священникамъ, чтобы засвидѣтельствовать передъ ними о своемъ выздоровленіи и получить отъ нихъ разрѣшеніе возвратиться въ Іерусалимъ, а Бенъ-Хуръ поспѣшилъ къ себѣ домой, чтобы предупредить всѣхъ о совершившемся великомъ чудѣ. Но первосвященники были заняты, а дома Іуда не засталъ никого. Всѣ были въ храмѣ. Тогда онъ отправился разыскивать своихъ мать и сестру, проискалъ ихъ цѣлый день, не нашелъ и только къ ночи вернулся къ себѣ домой. Войдя въ гостиную, онъ не встрѣтилъ никого. Былъ полумракъ отъ едва мерцавашаго ночника. Осмотрѣвшись, Бенъ-Хуръ увидалъ, что кресло, обыкновенно занятое Симонидомъ, придвинуто къ тому мѣсту, откуда лучше всего можно было рассмотреть городъ и торговую площадь.

«Симонидъ вернулся», подумалъ Бенъ-Хуръ. — «Поговорю съ нимъ, если онъ не спитъ».

И онъ тихонько приблизился къ креслу. Въ немъ, уютно свернувшись подъ отцовскимъ плащомъ, сладко спала Эсфирь.

«Я не буду будить ее, подумалъ онъ.—Пусть себѣ спитъ! Она еще не знаетъ, что я нашелъ своихъ мать и сестру и что теперь она можетъ быть моей женой!»

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, и такъ-же тихо, какъ и вошелъ, вышелъ изъ гостиной. И, заглядывая въ будущее, онъ начиналъ уже рисовать себѣ безмятежную счастливую жизнь

съ Эсфирью, съ матерью и съ сестрой, тамъ далеко, въ Италіи, подъ ея лазурнымъ небомъ, гдѣ осталась у него богатая вилла Мизенумъ, доставшаяся ему отъ его пріемнаго отца. И его мысли перенеслись туда, въ эту счастливую страну, гдѣ наверху—голубое неаполитанское небо, а внизу, подъ ногами—синяя бухта залива. Вдалекѣ, на горизонтѣ, курится Везувій, а въ садахъ виллы гуляетъ Эсфирь и съ нею ходитъ ея подруга и сестра—Тирса, которой пришлось столько перенести.

Въ тотъ же вечеръ къ Бенъ-Хуру пришелъ посланный отъ его матери и сестры. Онъ сообщалъ ему, что по закону требуется девять дней для очищенія, послѣ которыхъ первосвященники разрѣшатъ имъ возвратиться обратно въ Іерусалимъ. Поэтому онъ отправятся въ ближайшую деревню, наймутъ тамъ себѣ помѣщеніе и проведутъ въ немъ всѣ девять дней подрядъ.

XVIII.

Въ ближайшую пятницу, рано утромъ, рабы постучались къ Бенъ-Хуру и взволнованными голосами закричали:

— Господинъ, господинъ! Вставай скорѣе! Иди съ нами! Приговоръ уже произнесенъ! Даже и дерево для креста уже на Голгоѣ!

Іуда вскочилъ въ удивленіи. Сердце у него забилося. Ноги едва могли его держать.

— Для креста? еле имѣлъ онъ силъ произнести.

— Да, они схватили Иисуса ночью и осудили. На разсвѣтѣ они отвели его къ Пилату. Онъ дважды отказывался Его имъ выдать и два раза признавалъ Его невиновнымъ. Но они настаивали. Тогда онъ умылъ руки и сказалъ:—«Неповиненъ я въ крови этого Праведника». А они отвѣчали...

— Кто отвѣчалъ?

— Они—первосвященники и народъ! Они всѣ въ одинъ голосъ закричали:—«Кровь Его на насъ и дѣтяхъ нашихъ!»

Бенъ-Хуръ въ ужасѣ всплеснулъ руками.

— Идемте, братья! воскликнулъ онъ.—Мы не должны этого допустить.

И они вышли изъ дома и направились туда, гдѣ распинали на крестахъ преступниковъ, именно на Голгоѳу. На встрѣчу имъ попадались толпы народа, направлявшагося, какъ и они, туда же. Казалось, что поднялась вся страна. Двигались и пѣшкомъ, и верхомъ, и на верблюдахъ, и на носилкахъ и на колесницахъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Шли торопливо, волнуясь, тѣсясь и для того только, чтобы увидать, какъ будутъ мучить Христа.

Вдругъ послышались голоса:— Ведутъ! Ведутъ!

Возгласы съ каждой минутой становились все сильнѣе и слышнѣе, наполняя воздухъ и потрясая его. Въ это время Бенъ-Хуръ увидѣлъ слугъ

Симонида, несшихъ въ креслѣ своего господина. Эсфирь шла возлѣ него, а за ними несли крытыя носилки. Купецъ и его дочь были блѣдны, такъ какъ не спали всю ночь, присутствуя на судѣ надъ Иисусомъ Христомъ и всею своею душою сочувствуя Ему.

— Миръ тебѣ, Симонидъ, и тебѣ, Эсфирь! воскликнулъ Бенъ-Хуръ, идя къ нимъ на встрѣчу.—Если вы тоже идете на Голгоѳу, то обождите, пока пройдетъ толпа; тогда и я пойду съ вами. Заверните за этотъ домъ—здѣсь просторно. Но какое горе, что я проспалъ! Зачѣмъ вы не разбудили меня?

Симонидъ глубоко вздохнулъ и опустилъ голову на грудь. Затѣмъ онъ поднялъ ее и сказалъ:

— Спроси Вальтасара. Я сдѣлаю такъ, какъ онъ захочетъ. Онъ въ носилкахъ.

Бенъ-Хуръ отдернулъ занавѣсъ. Вальтасаръ лежалъ на носилкахъ и былъ такъ блѣденъ, что его можно было принять за мертвеца.

— Увидимъ-ли мы Его? спросилъ старикъ едва слышнымъ голосомъ.

— Кого? спросилъ Бенъ-Хуръ.— Иисуса?

— Да.

— Увидимъ. Его проведутъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.

— Значить, я увижу Его еще разъ! Какое счастье!

Они всѣ отошли къ сторонѣ и стали подъ навѣсъ ближайшаго дома. Вальтасаръ сошелъ съ носилокъ

и еле держался на ногахъ: его поддерживалъ слуга. Эсфирь и Бенъ-Хуръ стояли съ Симонидомъ.

Между тѣмъ людской потокъ приливалъ все болѣе и болѣе. Крикъ приближался и разносился въ воздухѣ хрипло, пронзительно, жестоко. Наконецъ появилась процессія. Впереди ея бѣжала толпа мальчиковъ, кричавшая на разные голоса:

— Царь Іудейскій! Дорогу Царю Іудейскому!

Отрядъ солдатъ въ полномъ вооруженіи слѣдовалъ за ними съ равнодушіемъ. А за ними слѣдовали Иисусъ Христосъ и какой-то селянинъ несъ за Нимъ приготовленный для Него крестъ. Еще два человѣка шли за Нимъ, неся кресты для себя.

— Кто это? спросилъ Бенъ-Хуръ у проходившихъ.

— Разбойники, приговоренные къ смертной казни вмѣстѣ съ Иисусомъ.

Затѣмъ слѣдовали первосвященники, а позади всѣхъ женщины.

— Вотъ идутъ женщины и плачутъ, сказала Эсфирь,—кто онѣ?

Бенъ-Хуръ тотчасъ-же отвѣтилъ:

— Это—Марія, мать Учителя, это—любимый ученикъ Христа Іоаннъ, а тѣ двѣ женщины— галилеянки, ихъ знакомыя.

Эсфирь проводила плакавшихъ взоромъ и заплакала сама.

Толпа послѣдовала къ Голгоѣ.

— Идемъ, сказалъ Симонидъ. — Пойдемте впередъ!

Бенъ-Хуръ не слышалъ его. Ему вспомнился внезапно и его собственный долгъ этому Человѣку,—то время, когда самъ онъ находился въ рукахъ римскихъ солдатъ, ведшихъ его въ каторжныя работы, вспомнилась и холодная вода изъ назаретскаго колодца и божественное выраженіе лица Того, Кто напоилъ его этой водой; вспомнилась и позднѣйшая благодать его — чудо надъ матерью и сестрой. При этихъ воспоминаніяхъ его сильно мучила мысль о своемъ безсиліи отплатить за помощь помощью и добромъ за добро, и онъ винилъ въ этомъ самого себя. Онъ могъ-бы сейчасъ броситься ко Христу, освободить Его или-же погибнуть за Него самъ, но удобная минута прошла и больше не вернется. Неужели-ли ничего нельзя сдѣлать?

Онъ стоялъ въ смущеніи и не зналъ, на что рѣшиться. Закрывъ руками лицо, онъ стоялъ, борясь съ желаніемъ броситься въ защиту Христа и съ непонятною силою, которая удерживала его отъ этого.

— Идемъ-же! Мы ждемъ тебя! повторилъ Симонидъ.

Бенъ-Хуръ покорно пошелъ за кресломъ и носилками. Эсфирь слѣдовала за нимъ.

Когда они пришли къ Голгоѣ, то Христа уже распинали. Дрожь ужаса пробѣжала по Эсфири.

— Какъ это страшно! сказала она, обвивая рукою шею отца.

И онъ, вспоминая свои страданія

отъ пытокъ, прижималъ ея лицо къ своей груди и весь дрожалъ.

— Уйти! О, уйти! шепталъ онъ.— Мнѣ кажется, что всѣ находящіеся здѣсь и смотрящіе на эти муки,— будутъ прокляты навѣки.

Валтасаръ опустился на колѣни.

Бенъ-Хуръ спокойно отвѣчалъ:

— Я понялъ, Симонидъ, почему все это совершилось и должно было совершиться. Такова воля Самого Христа. Будемъ-же хранить тишину и молиться!

И онъ благоговѣнно опустился на колѣни.

— Вѣрую, Господи, промолвилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ.— Помоги моему невѣрію!

— Вѣрую, Господи, и я, отозвался и Симонидъ.— Помяни меня во Царствіи Твоемъ!

А Эсфирь плакала навзрыдъ.

Время было около полудня. Но вдругъ тьма начала заволакивать небо и спускаться на землю. Крики и смѣхъ толпы утихли. Люди съ любопытствомъ оглядывали другъ друга, горы, уже скрывшіяся изъ виду, небо, дальніе сады, потонувшіе во мракѣ, холмъ, гдѣ совершалась казнь, и, наконецъ, блѣднѣли и не знали, что дѣлать имъ отъ смущенія.

— Это туманъ или набѣжавшая туча, сказалъ Симонидъ.— Скоро прояснится!

Бенъ-Хуръ думалъ иначе.

— Это не туманъ и не тучи, сказалъ онъ.— Это солнце померкло.

Въ это время раздался вдругъ глубокой вздохъ Валтасара. Іуда подошелъ къ нему и спросилъ его, не нужно-ли ему чего-нибудь? Валтасаръ привлекъ его къ себѣ и тихо прошепталъ:

— Я видѣлъ Его ребенкомъ, когда Онъ лежалъ еще въ ясляхъ,—но зачѣмъ я дожилъ до этого дня!

Сумерки смѣнились темнотою, наступилъ наконецъ полный мракъ и множество народа въ ужасѣ шарахнулось отъ Голгоѣы въ Иерусалимъ.

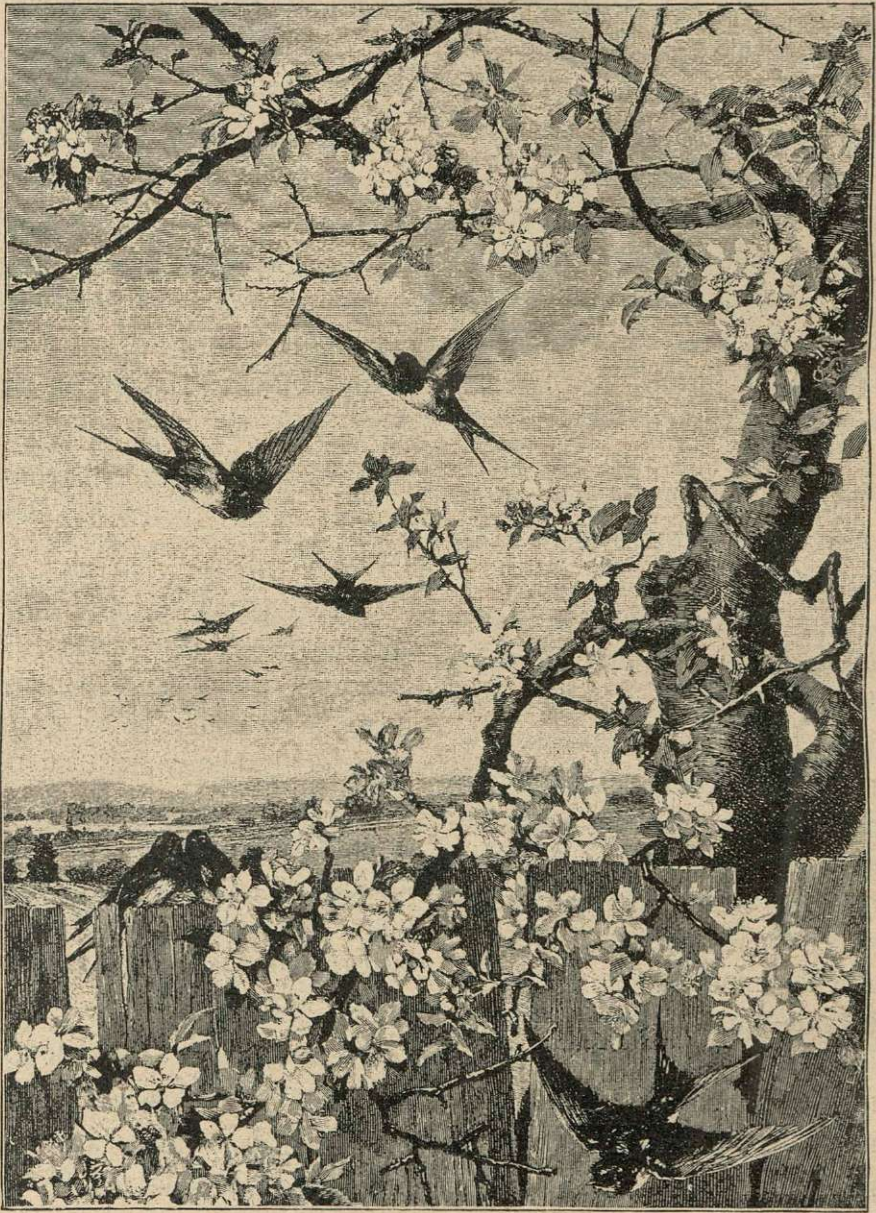
— Пойдемъ домой! стала умолять Эсфирь отца.— Это гнѣвъ Божій. Мнѣ страшно!

Около трехъ часовъ дня тьма стала еще гуще. Все стихло. Вѣтерокъ смутился и замеръ. Удушливый паръ наполнилъ воздухъ, ко тьмѣ присоединилась жара, никто не повѣрилъ-бы, что на холмѣ и вокругъ его стояла почти миллионная толпа, ожидавшая со страхомъ, чѣмъ все это кончится. Тогда надъ головами присутствовавшихъ раздался вдругъ во мракѣ голосъ Христа:

— Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ?

Услышавъ этотъ голосъ Божественнаго страдальца, Бенъ-Хуръ вскочилъ на ноги и побѣжалъ къ Голгоѣѣ. Но вскорѣ-же онъ вернулся назадъ къ своимъ друзьямъ и сказалъ просто:

— Все кончилось! Онъ умеръ.

Весна.

— Христось Воскресе!

И вдругъ земля затряслась. Камни стали отваливаться отъ своихъ мѣстъ и самые кресты на Голгоѣѣ заколебались. Всѣ устремились въ бѣгство, убѣгали—что было силъ и кто какъ могъ: на лошадяхъ, верблюдахъ, бѣгомъ; но землетрясеніе преслѣдовало ихъ, какъ-бы карая ихъ, подбрасывало ихъ вверхъ, сбивало съ ногъ, а трескъ разсыпавшихся за ними скаль наполнялъ ихъ неописаннымъ ужасомъ. Они съ криками били себя въ грудь и ужасались.

— Отецъ, мнѣ страшно!.. воскликнула Эсфирь. — Мнѣ тяжело на все это смотрѣть!

— Садись здѣсь, сказалъ ей Бенъ-Хуръ, расчищая ей мѣсто у ногъ ея отца.—Закрой глаза и не гляди!

Въ эту минуту снова затряслась земля. Бенъ-Хуръ, ошеломленный землетрясеніемъ, успѣлъ взглянуть на Валтасара и увидѣлъ его лежащимъ и неподвижнымъ. Онъ бросился къ нему, [окликнулъ его, но отвѣта не послѣдовало. Старикъ скончался. Слуги его покинули его. Тогда Бенъ-Хуръ кликнулъ своихъ рабовъ, они подняли тѣло Валтасара и понесли его въ Иерусалимъ. За ними послѣдовали Бенъ-Хуръ, Эсфирь и ея отецъ. Эта печальная процессія вошла въ южныя ворота города и приблизилась къ дому Хуровъ.

Останки Валтасара были помѣщены въ гостиной. Всѣ слуги Симонида въ слезахъ поспѣшили взглянуть на него, потому что онъ пользовался уваженіемъ всѣхъ, съ кѣмъ онъ

имѣлъ дѣло; но когда они увидѣли улыбку на его лицѣ, они отерли слезы и сказали:

— Ему теперъ лучше, чѣмъ было до сихъ поръ!

Затѣмъ Валтасара похоронили. Девять дней спустя, требуемыхъ закономъ для очищенія, Бенъ-Хуръ ввелъ мать и сестру въ ихъ старый домъ; съ этихъ поръ въ этомъ домѣ всѣ его обитатели, и мужчины и женщины, и старые и молодые—сдѣлались христіанами.

.....
Прошло пять лѣтъ. Эсфирь вышла замужъ за Іуду Бенъ-Хура и сидѣла теперъ въ своей комнатѣ въ прекрасной виллѣ Мизенумъ на берегу Неаполитанскаго залива.

Былъ полдень Пасхи и жгучее итальянское солнце согрѣвало розы и виноградники. Все въ комнатѣ носило на себѣ римскій отпечатокъ. На коврѣ сидѣло двое красивыхъ дѣтей. Съ ними играла ихъ тетя Тирса. Стоило только обратить вниманіе на то, какъ ласково смотрѣла Эсфирь на дѣтей, чтобы догадаться, что это были ея дѣти.

Время не коснулось ея. Она была прекраснѣе, чѣмъ прежде, и ставъ хозяйкой виллы, осуществила одну изъ завѣтныхъ своихъ грезъ быть доброй матерью и женой.

Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли Симонидъ и Бенъ-Хуръ. Оба вели между собою разговоръ. Симонидъ очень постарѣлъ. Онъ бросилъ всѣ свои торговыя дѣла и переѣхалъ въ Италію навсегда. Онъ и теперъ, не

смотря на глубокую старость, сохранялъ ясный умъ, доброе сердце и пользовался удачей.

— Сынъ Хура, обратился онъ торжественно къ Іудѣ.— Не пора-ли тебѣ рѣшить наконецъ, какъ употребить то громадное состояніе, которое скопилось въ твоихъ рукахъ?

— Я уже давно рѣшилъ, отвѣтилъ просто Бенъ-Хуръ.— Я отдамъ его на служеніе Христу.

— Что-же ты хочешь дѣлать?

— Я передамъ всѣ мои деньги христіанамъ.

— Это великая мысль! воскликнулъ Симонидъ.

Вошла Эсфирь, которая издали

прислушивалась къ этому разговору, и положила руку мужу на плечо.

— Это будетъ наилучшее служеніе Христу, сказала она.— Позволь мнѣ слѣдовать за тобою и помогать тебѣ во всемъ!

И, бросившись къ мужу на шею, она прильнула устами къ его губамъ и радостно сказала:

— Христосъ Воскресъ!

Онъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ ее и дѣтей и также радостно отвѣтилъ:

— Воистину Воскресъ!

И, дня два спустя, вся семья отправилась въ Римъ, чтобы раздать свои богатства христіанамъ.

ЧТО ЗА ДИВО!

Что за диво! Показались
Ручейки, потоки,
Мошки выются, чуть проглянетъ
Солнце на востокъ.

На лугахъ цвѣты колышетъ
Вѣтеръ, полный ласки,
О весеннихъ ароматахъ
Навѣвая сказки.

Что за диво! Показалась
Ласточка подъ кровлей,
Днемъ порхаетъ, занятая
Мелкихъ мошекъ ловлей,

Позднимъ вечеромъ заводитъ
Съ дѣтками бесѣды
О порѣ, когда покинутъ
Домъ свой непосѣды.

Что за диво! Показались
Бабушка и внуки
И бредутъ къ опушкѣ лѣса,
Взявшись всѣ за руки.

Сѣла бабушка, добравшись
До лѣсной опушки;
Дѣти бѣгаютъ; приятно
И тепло старушкѣ.

Изъ Вжесницкаго Н. Новичъ.

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Вечеромъ въ Вербное Воскресенье, мы усадили дѣдушку въ его любимое кресло и уже въ который разъ заставили его рассказывать намъ про Наполеона. Онъ, какъ и всегда, привлекать насъ близко къ себѣ, усаживалъ меня и сестру Вѣрочку къ себѣ на колѣни и начиналъ свой рассказъ:

— Я былъ тогда мальчикомъ лѣтъ десяти, но помню отлично все, точно это случилось годъ тому назадъ. Мой отецъ служилъ въ Москвѣ и я помню, какъ онъ вдругъ прибѣжалъ къ намъ со службы домой съ испуганнымъ лицомъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: — «Французы уже близко! Намъ пора убѣгать изъ Москвы, иначе мы попадемся имъ въ плѣнъ!» У меня похолодѣло подъ сердцемъ и я не зналъ, въ первую минуту, что дѣлать. Мать стала плакать.

— «Да, да, продолжалъ мой отецъ. — Французы объявили Россіи войну и теперь этотъ Наполеонъ подходитъ уже къ самой Москвѣ. Нашъ генералъ Кутузовъ хотѣлъ было задержать его подъ Бородинымъ, но это ему не удалось. Тамъ произошло страшное сраженіе, въ которомъ у насъ убитыми и ранеными вышло изъ строя болѣе 50-ти тысячъ чело-

вѣкъ. Теперь Кутузовъ уже отступаетъ къ Москвѣ!»

«И дѣйствительно вскорѣ Кутузовъ со всѣми своими войсками вступилъ въ Москву и, пройдя черезъ нее, вышелъ изъ нея опять въ другой конецъ. Тогда генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ былъ графъ Растопчинъ. 2-го сентября стало извѣстно, что Москва будетъ отдана французамъ уже безъ боя, и всѣ жители, въ томъ числѣ и мой отецъ, такъ перепугались, что поспѣшили поскорѣе убраться изъ города подальше. Растопчинъ приказалъ уничтожить всѣ товары и весь хлѣбъ, чтобы они не достались французамъ, и какъ только они вступятъ въ городъ, такъ рускіе должны были со всѣхъ сторонъ его поджечь. Тотчасъ-же вся Москва опустѣла, какъ кладбище. А тѣмъ временемъ Наполеонъ уже подошелъ къ самой Москвѣ, долго любовался на нее и ожидалъ, что къ нему тотчасъ-же явятся москвичи съ хлѣбомъ-солью. Да не тутъ-то было! Нашъ императоръ Александръ I и слушать о мирѣ съ Наполеономъ ничего не хотѣлъ. — «Или я, или онъ, говорилъ онъ, — но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ. Россія не привыкла покорствоваться, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ

своихъ, вѣры и свободы!» Наполеонъ былъ очень озадаченъ тѣмъ, что никто къ нему не пришелъ изъ Москвы съ покорностью, и рѣшилъ занять нашу столицу. Входитъ онъ со всею своею арміею, а въ ней кромѣ собакъ—никого! Тогда онъ отправился въ Кремль и помѣстился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Вскорѣ городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ. Начались такіе пожары, что не было улицы и переулка, которые бы не были въ огнѣ. Мы были въ это время уже на пути сюда, въ Таганрогъ, гдѣ живемъ и сейчасъ. Мы рѣшили убѣжать и, собравши всѣ наши пожитки, отправились на югъ. Цѣлые три дня мы видѣли надъ Москвою огненные языки, а по ночамъ позади насъ зарево освѣщало цѣлую половину неба. Только на четвертыя сутки мы отъѣхали такъ далеко, что не видѣли уже пожара Москвы. Всю дорогу намъ встрѣчались русскіе, мужики и господа, которые горевали о Москвѣ и грозились поколотить Наполеона. Цѣлыми толпами они шли къ войскамъ Кутузова, чтобы ему помочь. А Кутузовъ въ это время стоялъ при селѣ Тарутинѣ, недалеко отъ Тулы и Калуги, и выжидалъ, что будетъ дѣлать Наполеонъ. А тѣмъ временемъ завернули такіе холода, что некуда было отъ нихъ спрятать носъ. Нужно было хоть гдѣ-нибудь согрѣться, а всѣ дома были сожжены. Тогда Наполеонъ увидѣлъ, что ничего не остается больше дѣлать, и двинулся изъ Москвы обратно къ себѣ

во Францію. Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ пошелъ теперь прямо на него и отогналъ его на прежнюю дорогу, по которой Наполеонъ шелъ раньше въ Москву. Такъ французамъ и пришлось идти по тѣмъ-же самымъ, еще ранѣе опустошеннымъ, мѣстамъ. Идутъ, дуютъ себѣ въ кулаки и все твердятъ: «хлѣба, хлѣба, хлѣбушка!» А никто имъ его и не даетъ! А морозы становятся все сильнѣе и сильнѣе. Французы умираютъ тысячами, а тутъ за ними идутъ русскіе по пятамъ и то и дѣло исподтишка нападаютъ на нихъ и хватаютъ въ плѣнъ. Такъ французы добрались до рѣки Березины и стали черезъ нее переходить по жиденькому мостку. Въ это время на нихъ напали русскіе. Французы бросились на мостъ, онъ провалился подъ ними и они всѣ попадали на ледъ. Ледъ тоже не выдержалъ и они стали тонуть. А тутъ сзади на нихъ все напираютъ и напираютъ другіе и кончилось дѣло тѣмъ, что чуть не вся армія Наполеона утонула въ Березинѣ. Самъ Наполеонъ успѣлъ кое-какъ проскочить черезъ мостъ и поскакалъ къ себѣ обратно во Францію, во весь духъ, чтобы набирать новыя войска. Тогда нашъ императоръ Александръ I погнался слѣдомъ за нимъ, вступилъ въ Пруссію, освободилъ отъ Наполеона нѣмцевъ и съ торжествомъ наконецъ вошелъ въ самый Парижъ. Здѣсь французы встрѣтили его съ почетомъ и нашъ императоръ сталъ героемъ на весь міръ. Онъ низложилъ

Наполеона, возвелъ вмѣсто него на французскій престолъ другого короля и возвратился обратно къ себѣ въ Россію. Тѣмъ временемъ Наполеонъ взбунтовался опять, англичане схватили его и отправили въ ссылку на далекій островъ святой Елены, одиноко лежащій на Атлантическомъ океанѣ. Тамъ онъ и скончался...

— А что-же потомъ сдѣлалось съ нашимъ императоромъ Александромъ? спросили мы у дѣдушки.

— Со времени борьбы съ Наполеономъ, продолжалъ дѣдушка, — онъ сталъ часто грустить. Задумчивость и тоска смѣнили его прежнюю чарующую улыбку. Страшныя событія, постигшія Россію и Москву и требовавшія отъ Александра напряженія силъ, изнурили его. Онъ сталъ тяготиться своимъ положеніемъ, подолгу молился и уже подумывалъ вовсе удалиться отъ государственныхъ дѣлъ и изъ пышнаго дворца въ Петербургѣ переселился въ нашъ скромный Таганрогъ и сталъ жить здѣсь, какъ частный человѣкъ. Здѣсь онъ и умеръ... Вѣдь вы не разъ бывали здѣсь въ его дворцѣ!

Дѣдушка хотѣлъ было продолжать далѣе, но въ это время въ гостиную вошла мама, сѣла за піанино и стала играть. Я не дослушалъ исторіи, соскочилъ съ колѣней дѣдушки, присоединился къ ней и сталъ ее слушать. Сестра Вѣрочка убѣжала въ дѣтскую, чтобы читать.

Я очень любилъ сидѣть рядомъ

съ мамой, когда она играла на фортепіано. Иной разъ я просиживалъ около нея до глубокой ночи, не отрывая глазъ отъ ея лица, и неясныя, смутныя мечты наполняли мою душу и цѣлыя картины проносились у меня въ головѣ. Иногда въ такіе вечера заходилъ въ гостиную папа и тогда меня посылали спать, а папа усаживался за столъ и раскладывалъ пасьянсы.

Въ этотъ вечеръ я просидѣлъ около мамы до 10 часовъ. А когда часы съ кукушкой пробили десять, въ гостиную вошелъ и папа. Я догадался, что онъ пришелъ укладывать меня спать, и бросился къ нему на встрѣчу.

— Папочка, милый, хорошій! обратился я къ нему. — Позволь мнѣ посидѣть еще!

Но папа отстранилъ меня отъ себя и строго посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Нѣтъ, сынокъ, сказалъ онъ. — Уже десять часовъ. Пора уже и спать! Ты и такъ ужъ пересидѣлъ цѣлый часъ!

Я простился съ дѣдушкой, папой и мамой и побрелъ къ себѣ въ дѣтскую.

Сестра Вѣрочка уже спала. Горѣла зелененькая лампадка и было кругомъ такъ тихо, уютно и такъ свѣтло на душѣ.

Я раздѣлся, помолился Богу и улегся въ постель.

Всю ночь мнѣ снились Наполеонъ и императоръ Александръ.

II.

Море уже вскрылось, въ гавани давно уже развѣвались флаги разноплеменныхъ кораблей, и нашъ милый, симпатичный городокъ уже давно покрылся сплошною зеленою деревьею и пестрѣлъ разноцвѣтными тюльпанами и ирисами, когда наступила Страстная недѣля. Южное небо было ясно и безконечно глубоко, мягкій вѣтерокъ, точно бархатомъ, касался лица и заигрывалъ съ волосами, и вокругъ скворешницъ уже давно стояла счастливая суета возвратившихся скворцовъ. Въ открытыя окна врывался шумъ, а изъ оконъ наружу неслись громкіе разговоры хохлушекъ-поденщицъ, бѣлившихъ къ празднику стѣны или обметавшихъ паутину.

Былъ понедѣльникъ Страстной недѣли.

Я только-что прошелъ мимо памятника Александру I-му, возвышающагося передъ греческимъ монастыремъ, и уже свернулъ въ переулокъ, чтобы поближе пройти къ дворцу, какъ встрѣтился со своимъ одноклассникомъ Алешей Зайченковымъ, который только недавно поссорился за что-то съ моей сестрой Вѣрочкой и пересталъ къ намъ ходить.

— Ты куда? спросилъ онъ у меня.

— Во дворецъ, говѣть, отвѣтилъ я. А ты?

— А я за бумагой, фонарики клеить въ двѣнадцати евангеліямъ, чтобы принести изъ церкви огонь домой.

— Склей и мнѣ!

— Очень благодаренъ! Можете и сами!

— Ну, такъ пойдѣмъ со мною въ церковь во дворецъ!

— Пожалуй, пойдѣмъ, только по дорогѣ зайдемъ въ соборъ.

— Хорошо!

И мы пошли вмѣстѣ. Пройдя двѣ—три улицы, мы вышли на Старый базаръ, весь уставленный возами, съ которыхъ на всю площадь раздавались крики куръ, утокъ, гусей и поросятъ и громкія зазыванья торговковъ. Тутъ же неподалеку стучали молотки и топоры плотниковъ, строившихъ къ празднику карусели и балаганъ. А надъ всѣмъ этимъ разносились жалобные, великопостные удары колокола на соборной колокольнѣ, призывавшіе къ «Часамъ». Мы прошли по длинной улицѣ, образуемой возами, кое-гдѣ почему-то прицѣнились къ курамъ и, наконецъ, вышли къ паперти собора.

Въ соборѣ служба еще не началась, хотя публики уже собралось довольно много. По правую руку стояли гимназисты, по лѣвую—гимназистки, а у стѣны мы увидали нашу гувернантку Ольгу Григорьевну и сестру Вѣру. Мы подошли къ нимъ, постояли, пошептались и отправились затѣмъ во дворецъ. Это—небольшой, одноэтажный домъ, на Греческой улицѣ, выкрашенный въ желтую краску, и при взглядѣ на него казалось страннымъ, какъ въ немъ могъ жить такой знаменитый чело-

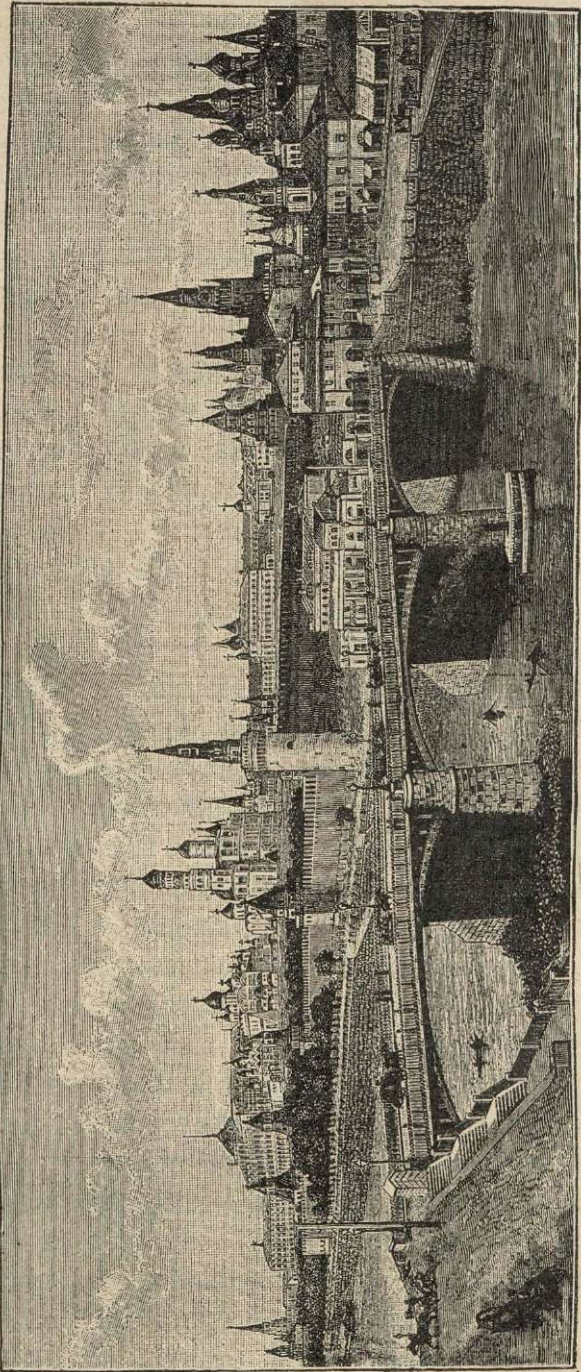

Африканскія бабочки.

вѣкъ, какъ императоръ Александръ I, которому принадлежала чуть не одна шестая часть всего земного шара!

Когда мы вошли въ него и, пройдя черезъ большую залу съ голубыми обоями на стѣнахъ и барометромъ, висѣвшимъ около дверей, вступили въ церковь,—тамъ уже происходило богослуженіе. Съдѣнкій старичекъ-священникъ въ черной ризѣ, обшитой бѣлымъ галуномъ, слабымъ голосомъ читалъ «Господи и Владыко живота моего», а вся говѣющая публика шумно кланялась въ землю. У правой стѣны на разостланномъ коврикѣ стоялъ градоначальникъ и, всякій разъ опираясь на шпагу, тяжело опускался на колѣна. Въ окошко врывался лучъ солнца и снопомъ отражался въ легкой ладанной дымкѣ, висѣвшей въ воздухѣ. Нѣсколько казаковъ изъ дворцовой стражи, въ красныхъ мундирахъ, стояли рядкомъ и, переминаясь съ ноги на ногу, побрякивали шпорами: они тоже говѣли.

Послѣ обѣдни мы вышли на дворъ, посмотрѣли на смѣну часовыхъ и отправились въ гавань. Лѣсъ мачтъ и дымъ пароходовъ предсталъ передъ нашими глазами, когда мы спускались къ морю, и тяжелый товарный поѣздъ

Кремль въ Москвѣ.

тянулся по набережной, звоня колокольчикомъ, чтобы не испугать лошадей. Къ берегу приставалъ двух-

трубный пароходъ «Митридатъ», а на горизонтѣ тамъ и сямъ бѣлѣлись паруса...

Когда же мы возвратились домой, у насъ уже завтракали. Папа сидѣлъ у самовара и варилъ себѣ кофе, а мама вела шумный разговоръ съ Ольгой Григорьевной о пасхахъ и куличахъ.

Мы усѣлись за столъ, напились чаю и отправились затѣмъ бѣгать по саду. Свѣтило яркое, весеннее солнце и намъ трудно было усидѣть въ комнатѣ.

III.

Въ среду вечеромъ мама уже читала передъ образомъ св. Пантелеймона «Правила ко святому причащенію», а я и сестра, стоя на колѣняхъ, слушали ее и старались не проронить ни одного слова. Въ залѣ было темно и только одна восковая свѣча, зажженная передъ иконою и уже давно нагорѣвшая, краснымъ пламенемъ обливала лицо читавшей мамы и золотой вѣнчикъ Святаго. Въ противоположномъ уголкѣ, почти вовсе неосвѣщенномъ, по временамъ глубоко-глубоко вздыхая, стояла на колѣняхъ Ольга Григорьевна и молилась.

Въ залѣ было торжественно и тихо...

Когда же, наскучивъ стоять на колѣняхъ, я подымался на ноги и, скрипя сапогами, нарушалъ монотонную тишину, то мама оборачивалась ко мнѣ и говорила:

— «Молись, милый... Завтра приобщаться».

И я молился съ удвоеннымъ вниманіемъ. Я только часа два—три тому назадъ исповѣдовался и на исповѣди чистосердечно покаялся священнику во всѣхъ своихъ грѣхахъ.

Рядомъ со мной, спокойная и счастливая, стояла моя сестра, счастливая своею, какъ ей казалось, безгрѣшностью и чистотой, приобрѣтенными ею черезъ исповѣдь. Она скорѣе сидѣла на колѣняхъ, чѣмъ стояла, и ея длинная коса лежала кончикомъ на полу.

Я иногда посматривалъ на нее и старался найти въ ней черты лица мамы и находилъ ихъ. Я воображалъ ее себѣ въ будущемъ такую же, какъ и мама теперь, представлялъ себѣ то время, когда оба мы будемъ большими и будемъ ѣздить другъ къ другу въ гости, мечтавъ о томъ, какъ у меня будутъ свои лошади и какъ я буду на нихъ ѣздить по городу. А въ это время ровный голосъ мамы, точно эхо, отдавался у меня въ ушахъ и я уже не понималъ, о чемъ она читала.

...«Въ безднѣ грѣховной валяясь, неизслѣдованную милосердія Твоего призываю бездну»... вдругъ точно изъ другой комнаты донеслись до меня слова мамы.

«Неизслѣдованную бездну милосердія Твоего...» опять подумалъ я и поклонился въ землю и приникъ лицомъ къ прохладному полу.

...«Неизслѣдованную бездну...» опять

подумалъ я, не отрывая лба отъ пола. Ахъ, какъ это глубоко! Опускаешься... опускаешься... опускаешься въ бездну и... и конца нѣтъ... Такъ таки и нѣтъ...»

И я еще тѣснѣе приникъ лицомъ къ полу. Маминъ голосъ уже былъ гдѣ-то очень далеко, не въ залѣ, а гдѣ-то за стѣной. Передо мною же раскрывалась темная безпросвѣтная бездна и сизые пары клубами мрачно и грозно носились въ ней...

—Мама, Миша совсѣмъ заснулъ! сквозь сонъ услышалъ я голосъ сестры.

Черезъ всю залу тихонько, на цыпочкахъ, но звеня на ходу ключами, привѣшенными къ поясу, прошла моя бывшая няня Наташа и, приподнявъ меня съ полу, ласково повела въ дѣтскую на кровать.

Часы съ кукушкой зашипѣли и пробили одиннадцать и вслѣдъ затѣмъ раздался съ улицы звонокъ запоздаващаго папы.

Я скоро заснулъ и не слышалъ, какъ въ дѣтскую вошли Вѣра и мама и какъ Вѣра стала раздѣваться и улеглась въ постель.

IV.

Четвергъ Страстной недѣли. На дворѣ ясное небо, новая, недавняя зелень и точно ребенокъ улыбающаяся весна, а въ дворцовой церкви—ясныя ризы духовенства, свѣтлыя шуршащія платья говѣющихъ дамъ и на лицахъ счастливыя улыбки... Сейчасъ пріобщаться!

Легкая завѣса съ шумомъ срывается съ царскихъ вратъ и въ нихъ показывается сіяющій священникъ въ золотой ризѣ и съ чашей въ рукахъ. Читается молитва,—и всѣ отговѣвшіе, столпившись въ кучку, подходятъ къ Святымъ Дарамъ. Градоначальникъ снимаетъ шпагу и безъ нея уже подходитъ къ чашѣ, красные казаки дѣлаютъ тоже. Старушка генеральша, бывшая еще фрейлиной императрицы Елизаветы Александровны, жены умершаго въ нашемъ городѣ императора Александра, сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ у противоположной стѣны и старчески киваетъ головой.

Я протискиваюсь черезъ толпу, пріобщаюсь и съ радостнымъ сердцемъ выбѣгаю въ залу. Нѣсколько казаковъ, стоя у печи, цѣлуются, поздравляя другъ друга. Я не обращаю на нихъ вниманія и пробираюсь во внутренніе покои. Скромная мебель въ гостиной, скатерть на столѣ съ какою-то надписью по краямъ и большая деревянная кровать бросаются мнѣ на первый взглядъ въ глаза. Не здѣсь-ли спалъ Императоръ Александръ? Я хочу присмотрѣться поближе, но раздавшіеся издалека голоса пѣвчихъ зовутъ въ церковь, и я опять бѣгу черезъ залу съ голубыми обоями и барометромъ и опять становлюсь передъ алтаремъ... Начинается благодарственный молебенъ и послѣ него всѣ причастники шумно расходятся по домамъ.

Мы отговѣлись...

Идя изъ дворцовой церкви домой, я забѣжалъ въ бакалейную лавочку и купилъ цвѣтной бумаги для фонарей. Пока толстый, неповоротливый торговецъ отыскивалъ бумагу, я наблюдалъ за предпраздничнымъ убранствомъ лавки. На особомъ столѣ возвышалась громадная коробка, въ видѣ клѣтки, раздѣленной на тридцать или сорокъ маленькихъ коробочекъ. Въ каждой коробочкѣ лежали нужныя и ненужныя пасхальныя снадобья, въ родѣ инбиря, бадьяна, шафрана и мускатнаго орѣха, а на окнахъ возвышались банки дѣверху наполненныя сахарными барашками и цвѣтами. На прилавкѣ въ фаянсовыхъ блюдахъ громоздились колбасы, окорока, всевозможные сыры и многое такое, что даже у сытаго человѣка возбуждало аппетитъ.

Возвратился я домой почти одновременно съ мамой и сестрой. Распространяя вокругъ себя запахъ духовъ, онѣ подымались по лѣстницѣ, когда я только-что взошелъ на крыльцо. Няня Наташа вышла къ нимъ навстрѣчу и, кланяясь и поздравляя ихъ съ принятіемъ Святыхъ Таинъ, приняла отъ нихъ двѣ низки баранокъ съ макомъ.

— Здравствуй, мамочка! крикнулъ я, догоняя ихъ. Съ принятіемъ Святыхъ Таинъ!

— И тебя также, мой милый мальчикъ! отвѣтила мнѣ мама, приподнимая вуаль, чтобы меня поцѣловать. Желаю тебѣ быть здоровымъ!

— Вѣрочка, здравствуй! бросился я къ сестрѣ. Поздравляю тебя!

«Поздравляю!—Поздравляю!...» слышались отовсюду голоса встрѣтившей насъ прислуги.

Мы вошли въ переднюю, сняли верхнее платье, и отправились прямо въ столовую. Широкая, бѣлая скатерть покрывала столъ, на ней шипѣлъ самоваръ и горячій хлѣбъ выглядывалъ изъ-подъ салфетки. Ольга Григорьевна сидѣла около самовара, и мы шумно разсѣлись по мѣстамъ.

Въ этотъ самый моментъ, задыхаясь отъ быстрой ходьбы и страшно стуча ногами по полу, въ столовую вбѣжалъ Алеша Зайченковъ. Онъ остановился передъ Вѣрочкой, шаркался передъ ней и протянулъ къ ней прелестный фонарь, склеенный на подобіе кувшина.

— Поздравляю васъ, Вѣрочка, съ принятіемъ Св. Таинъ, обратился онъ къ ней—«и... и вотъ принесъ вамъ этотъ фонарикъ собственной работы!»

Вѣрочка отстранила отъ себя фонарь и отвернулась.

— Не нужно мнѣ вашего фонаря! отвѣтила она ему. Я на васъ сердита.

Алеша растерянно посмотрѣлъ по сторонамъ и, бросивъ фонарь, вбѣжалъ изъ столовой.

Я выскочилъ вслѣдъ за нимъ на лѣстницу, но Алеша бѣжалъ уже по тротуару...

V.

Тихій, ароматный весенній вечеръ. Солнце приближается къ горизонту и уже готово утонуть въ морской глубинѣ, и мелкая, еле замѣтная рябь, точно золотая чешуя, переливается подъ его лучами около парходовъ и кораблей. Въ небѣ ни облачка. Стройные тополи и раскидистыя шелковичныя деревья, густо покрытыя свѣтло-зеленою молодою листвою, дремлютъ и сквозь сонъ перешептываются съ набѣгающимъ съ моря вѣтеркомъ. Вишневая деревья, всѣ въ цвѣту, издають тонкій, едва уловимый запахъ.

Мы всею семьей шли въ соборъ на двѣнадцать евангелій. Впереди въ легкомъ сѣренькомъ пальто шествовалъ папа съ Вѣрочкой, за ними, переваливаясь съ боку на бокъ, плелись Ольга Григорьевна и няня Наташа, а позади всѣхъ тянулись и мы съ мамой. У каждого въ рукахъ была восковая свѣчка и складной бумажный фонарикъ съ затѣйливыми рисунками. Когда мы вошли въ соборъ и сквозь густую толпу протиснулись впередъ, тамъ уже читали первое евангеліе отъ Іоанна, а всѣ прихожане съ зажженными свѣчами въ рукахъ стояли, поникнувъ головами, и слушали его.

Незамѣтно для себя самихъ мы простояли нѣсколько евангелій подъ рядъ и не тушили нашихъ свѣчъ.

А когда мы вышли изъ собора, была уже поздняя, темная ночь.

Тысячи разноцвѣтныхъ фонариковъ покрывали соборную площадь и передвигались. Огоньки кучками тянулись по площади къ переулкамъ и потомъ уже разбивались врозь и походили на разорвавшуюся въ воздухѣ ракету. Навстрѣчу имъ тянулись новые фонари отъ другихъ церквей, мѣшались съ ними и пестрили въ глазахъ. Иногда, идя по лѣсу, встрѣчаешь огромный муравейникъ и изъ любопытства раскопаешь его. Миріады муравьевъ тотчасъ же засуетятся, забѣгаютъ изъ стороны въ сторону и зареяютъ въ глазахъ. Такъ точно было и здѣсь; но здѣсь муравьи свѣтились всевозможными огнями и муравейникъ былъ раскопанъ неднемъ, а ночью.

Прійдя домой, я вытащилъ изъ фонарика свѣчку и побѣжалъ въ кухню.

Здѣсь шла дѣятельная работа: кухарка и горничная мыли дорогіе бронзовые подсвѣчники и тутъ же въ углу возвышалась цѣлая гора цвѣтовъ, тоже приготовленныхъ для обмыванья. Все это предназначалось для украшенія Плащаницы и подлежало отправленію въ соборъ. Когда же я вошелъ въ столовую, тамъ мама и сестра убирали лентами восковыя свѣчи и вставляли ихъ въ помытые уже подсвѣчники.

Я простился съ ними и, усталый, отправился спать. Войдя въ дѣтскую, я увидалъ Ольгу Григорьевну, дремавшую на диванѣ и, не желая покоить ее, на цыпочкахъ подошелъ къ кроваткѣ. Зелененькая лампадка

слабо мерцала и обливала бирюзовымъ цвѣтомъ бѣлыя стѣны нашей дѣтской. Я тихо раздѣлся и легъ спать.

На слѣдующее утро я былъ разбуженъ около семи часовъ. Въ нашу дѣтскую, гремя и топя ногами, вносили мебель изъ гостиной, а изъ залы доносились голоса поденщицъ и прислуги, обметавшихъ стѣны. Я догадался, что это была предпраздничная приборка, наскоро одѣлся и побѣжалъ въ залу. Среди комнаты стоялъ столъ, на немъ табуретъ, а на табуретѣ, точно монументъ, возвышалась какая-то баба и вѣникомъ на палкѣ обметала потолокъ. Горничная и Наташа придерживали табуретъ, чтобы онъ не упалъ, а мама, вся сѣрая отъ обсыпавшаго ее мѣла, стояла у двери и распорядилась обметаніемъ.

— Иди, иди отсюда! крикнула она мнѣ, когда я просунулъ голову въ двери.

Изъ залы, отъ нечего дѣлать, я отправился прямо въ кухню. Тамъ кухарха красила яйца, и въ воздухѣ носился запахъ запекаемаго окорока. Тутъ же стояло и корыто съ опарой, приготовленной на куличи. Я сѣлъ рядомъ съ кухаркой и, пачкая руки въ красной краскѣ, сталъ помогать ей красить яйца. Вскорѣ затѣмъ въ кухню вошла мама и стала мѣсить тѣсто. Руки ея утопали словно въ подушку, и тѣсто клочьями облѣпило ихъ до локтей.

«Чмокъ-чмокъ! Чмокъ-чмокъ!» доносилось изъ корыта.

Въ два часа я и сестра отправились на выносъ Плащаницы, а потомъ заходили приложиться къ ней часовъ въ восемь вечера. Въ церкви было темно и безлюдно и лишь ярко освѣщенная бесѣдка изъ цвѣтовъ окружала катафалкъ, да четыре ставника, уставленные свѣчами, всѣ въ зелени и цвѣтахъ, возвышались по угламъ. Мы постояли съ четверть часа и, приложившись, отправились домой. Въ сѣняхъ мы столкнулись съ папой и мамой: они тоже отправлялись поклониться Плащаницѣ.

VI.

— Спать, спать, дѣти! Спать!

— Мамочка, да вѣдь еще только восемь часовъ!

— Пожалуйста безъ разговоровъ! Къ утрени васъ разбудятъ!

— Да какъ же, мамочка, намъ заснуть, когда намъ и спать не хочется!

— Ахъ, Боже мой, какой онъ несносный! Вѣрочка, иди, матушка, спать, а онъ пусть до зари изъ угла въ уголь болтается! А заснетъ на заутрени,—такъ я съ нимъ христоваться не стану!

Мама перекрестила насъ обоихъ и ушла.

— Нечего дѣлать! вздохнулъ я. Хочешь, не хочешь, а спи, когда велятъ!

— Не ворчи! крикнула на меня сестра и, схвативъ меня за руку, потащила въ дѣтскую.

Я нехотя побрелъ за нею и нехотя сталъ раздѣваться. Не помню, какъ я сталъ засыпать; помню только, что я спалъ, какъ убитый, и даже и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время отъ восьми часовъ и до пасхальной заутрени. Около полуночи насъ разбудили и велѣли одѣваться въ самые лучшіе костюмы.

Когда мы одѣвались, въ дѣтскую вошелъ сіяющій папа, во фрачной парѣ.

— Вѣрочка, застегни мнѣ орденъ на шеѣ! обратился онъ къ сестрѣ.

— Ну вотъ, папа! отвѣтила Вѣра, влѣзая на стулъ, чтобы достать до его затылка. И всегда черезъ тебя платъе помнешь!

— Папочка, дай я тебѣ застегну! предложилъ я ему свои услуги.

Папа нагнулся и я застегнулъ ему орденъ и побѣжалъ въ прихожую, гдѣ уже давно раздавался голосъ торопившей насъ мамы.

Минутъ черезъ десять, мы уже ѣхали къ заутрени во дворецъ, а папа на своей лошаdkѣ отправился въ соборъ.

Когда мы подѣхали къ дворцовому крыльцу и уже вступили въ залу съ голубыми обоями и барометромъ у двери, къ намъ навстрѣчу тянулась процессія «обхожденія». Человѣкъ двѣсти или полтора ста участвовали въ ней съ зажженными свѣчамивъ рукахъ, а пѣвчіе пѣли «Восресеііе твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ». Сѣденькій священникъ съ крестомъ и трикиріемъ въ рукахъ, радостный и сіяющій, шествовалъ

тутъ же, и высокій градоначальникъ въ парадной формѣ шелъ почти около него. Мы присоединились къ процессіи и вмѣстѣ съ нею вошли въ покои. Пройдя ту гостиную и ту комнату съ кроватью, въ которой я былъ еще въ четвергъ, мы свернули влѣво, а потомъ вышли прямо на чистый воздухъ. Набѣжавшій вѣтерокъ потушилъ у нѣкоторыхъ свѣчи, а у другихъ заколебалъ ихъ пламя. Пройдя же по какой-то галлерей и гремя ногами по устилавшему ее листовому желѣзу, мы снова вошли во дворецъ и, какъ-то странно для меня, очутились опять въ залѣ и изъ нея уже отправились въ церковь.

— «Христось воскресел!» раздался послѣ этого голосъ священника.

— «Воистину воскресел!» громко отвѣтили ему всѣ полтора ста человекъ.

И пасхальная служба огласила собою дворцовую церковь. Хотѣлось смѣяться, и перваго встрѣчнаго цѣловать. Поглядишь на молящихся,— всѣ въ свѣтлыхъ платьяхъ и улыбаются, поглядишь на священника,— онъ уже успѣлъ перемѣнить ризу и тоже улыбается. На всѣхъ лицахъ радость и довольство и сознаніе великой, одержанной Христомъ побѣды... А тутъ пѣвчіе, ни на минуту не умолкая, поютъ и поютъ. Затѣмъ всѣ начииаютъ цѣловаться. Я бросаюсь къ мамѣ на шею и начинаю ее цѣловать.

— «Христось воскресь! Христось воскресь!» бормочу я ей и мѣшаю ей отвѣтить мнѣ: «воистину воскресь!»

Послѣ кратковременнаго всеобщаго замѣшательства начинается обѣдня, а послѣ нея въ дворцовой залѣ происходитъ освященіе казацкихъ куличей и пасокъ—и всѣ расходятся по домамъ.

А дома—длинная скатерть покрываетъ собою столъ и шипящій самоваръ ожидаетъ нашего возвращенія изъ церкви. Ольга Григорьевна суетится около закусокъ и винъ, а Вѣрочка, все въ томъ же платьѣ, рѣжетъ ломтиками только что освященный куличъ.

Полчаса спустя, въ залу является запоздавшій папа. Завидѣвъ его, я бросаюсь къ нему навстрѣчу и съ крикомъ «Папочка, Христось воскресь!» висну у него на шеѣ. Онъ хватаетъ меня за голову, цѣлуетъ, обнимаетъ меня и говоритъ:—«Воистину воскресь, мой милый мальчикъ, Воистину воскресь!»

Затѣмъ выходитъ дѣдушка. Онъ уже такъ старъ, что къ заутренѣ не ѣздитъ. Вы всѣ подбѣгаемъ къ нему, усаживаемъ его за столъ и начинаемъ съ нимъ христосоваться. Онъ прижимаетъ каждого изъ насъ къ себѣ и на глазахъ у него появляются слезы. Но это ничего. Это отъ избытка чувствъ.

— Ну, что? обращается онъ ко мнѣ. — Былъ во дворцѣ императора Александра? Ходилъ по комнатамъ? Видѣлъ, какая тамъ повсюду простота?

— Да, дѣдушка, отвѣтилъ я ему. — Я проходилъ съ крестнымъ ходомъ черезъ всѣ комнаты и даже заходилъ въ алтарь.

— Въ этомъ алтарѣ и умеръ Александръ,—продолжалъ дѣдушка.—На мѣстѣ его спальни позднѣе сдѣлана церковь, въ которой ты и говѣлъ.

И мы долго еще разговариваемъ о Москвѣ и объ Александрѣ I.

А когда наступаетъ утро и визитеры одинъ за другимъ появляются въ залѣ, я забѣгаю въ дѣтскую и вижу въ уголкѣ Алёшу. Онъ стоитъ лицомъ къ стѣнѣ и плачетъ.

«Алѣша, что съ тобой? О чемъ ты плачешь?» спрашиваю я его.

Онъ поворачивается ко мнѣ и, не отрывая платка отъ глазъ, отвѣчаетъ:

— «Цѣлый годъ... годъ... ждалъ я Пасхи, а Вѣра не хочетъ... по... по... помириться со мной!... Она за что-то се... сердита на меня...»

Я хватаю его за руку, силою тащу его къ сестрѣ и заставляю помириться.

Въэтотъ день должны мириться всѣ.

М. Б—скій.

Direct RINSE

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

55 EAST 58TH STREET

CHICAGO, ILLINOIS 60637

TEL: 773-936-3700

FAX: 773-936-3701

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

100

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

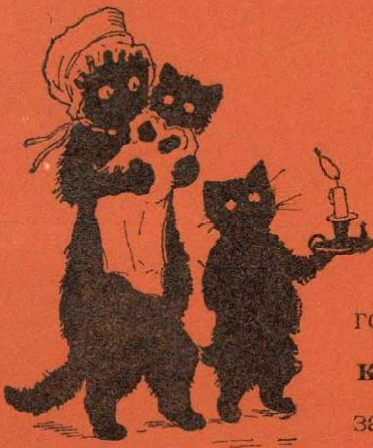
ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПАСХѢ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій

годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ
коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к.

за экз.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.